

спокойно и толково, они должны бы понять, основываясь на ихъ собственномъ пониманіи жизни, что нѣтъ ничего непріятнаго, ни ужаснаго въ мысли, что ихъ тѣлесное существованіе подвергнется тому же измѣненію, которое безпрестанно совершается предъ нами и которое мы называемъ смертию.

Я умру, что же въ этомъ ужаснаго? Сколько измѣненій совершилось и совершается въ моемъ тѣлесномъ существованіи, не вызывая во мнѣ страха. Мнѣ постоянно приходится дѣлать расчеты и предположенія, основанные на смерти другихъ людей, — что же въ этомъ ужаснаго?

Есть только два строго логическіе способа разсматривать жизненные явленія; одинъ основанъ на приравниваніи жизни къ видимымъ явленіямъ, совершающимся въ нашемъ тѣлѣ, съ минуты рожденія до смерти, другой основанъ на отождествленіи жизни съ невидимымъ внутреннимъ сознаніемъ ея.

Одна изъ этихъ точекъ зрѣнія ошибочна, другая вѣрна, но обѣ онѣ могутъ быть точками отправленія логическихъ разсужденій о явленіяхъ жизни, и люди могутъ допустить ту изъ нихъ, которая имъ кажется подходящею. Та и другая исключаетъ ужасъ смерти.

Чтобъ уяснить себѣ отношеніе графа Толстого къ вопросу о будущей жизни, о безсмертіи, необходимо остановиться на его понятіи о человѣческой сущности.